

Образы пространства как элемент нарративной стратегии («Атласы ностальгии» Бориса А. Новака)

Старикова Надежда Николаевна
Доктор филологических наук, профессор, зав. отделом
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: nstarikova@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1230-2244

Цитирование

Старикова Н. Н. Образы пространства как элемент нарративной стратегии («Атласы ностальгии» Бориса А. Новака) // Славянский альманах. 2025. № 1–2. С. 367–384. DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.18

Статья поступила в редакцию 21.02.2025.

Рецензирование завершено 04.03.2025.

Статья принята к публикации 18.03.2025.

Аннотация

Поэтический эпос выдающегося словенского поэта Бориса А. Новака «Врата безвозвратности» (2015–2017) стал знаковым явлением современной словенской поэзии. Это первый в истории национальной литературы пример воплощения жанра эпопеи в стихах, который поражает масштабностью замысла – она состоит из трех томов: «Атласы ностальгии», «Время отцов» и «Обиталища душ», общий объем которых составляет более 40 тыс. стихов. В основу произведения легли семейные предания и легенды рода Новаков, эпическое повествование построено на воспоминаниях как документальный автобиографический рассказ о «времени и о себе», предках, родных, друзьях, ключевых событиях национальной и европейской истории. Связующим звеном всех книг является мотив странствия, который реализуется на трех уровнях: пространства, времени и памяти. В статье на материале первого тома «Атласы ностальгии» рассматривается один из ключевых элементов авторской нарративной стратегии – образы пространства, раскрывающие тайные смыслы и символику тех уголков земли, общественных мест и зон повседневного обитания, которые в разные периоды времени оставили значимый след в сознании и памяти поэта.

В их число входят реки, озера, моря, острова, горы, леса, поля, сады, города, деревни, улицы, дома, спальни, детские, кухни, редакции, танцплощадки, театральные сцены, казармы, тюрьмы, больницы, могилы. Каждому месту посвящена отдельная песнь. Являясь, с одной стороны, «несущей конструкцией», каркасом повествования, эти локусы в то же время служат для реконструкции реальных эпизодов из жизни поэта, членов его семьи, его родной страны, Европы в целом в контексте минувшей и дрящейся эпохи. Таким образом, через «переживание» конкретных пространств судьба лирического героя «встраивается» в течение самой жизни. Оригинальные образы пространств, фигурирующие в эпосе, представляют структурно-семантическую модель мира Бориса А. Новака, выраженную на языке его пространственных представлений.

Ключевые слова

Современная словенская поэзия, эпос в стихах, Борис А. Новак, образы пространства, нарративная стратегия.

Язык – это не инструмент, язык – это пространство поэзии...¹

Борис А. Новак

Вообще считается, что литература, как бы сказать, о жизни, что писатель пишет о других людях, о том, что человек делает с другим человеком и т. д. На самом деле, литература – не о жизни (да и сама жизнь – не о жизни), а о двух категориях, более-менее, о двух: о *пространстве* и о *времени*.²

И. Бродский

Борис А. Новак – выдающийся словенский поэт, прозаик, драматург, переводчик, теоретик-стиховед, педагог, в его послужном списке свыше двадцати сборников лирической поэзии, с десятков

¹ Цит. по: Zlatnik poezije 2024 prejme Boris A. Novak. URL: <https://www.veronikina-nagrada.si/2024/07/19/zlatnik-poezije-2024-prejme-boris-a-novak/> (дата обращения: 10.02.2025). Курсив автора статьи.

² Глэд Д. Беседы в изгнании: русское литературное зарубежье. М., 1991. С. 123–124. Курсив автора статьи.

стихотворных книг для детей, пять драм, несколько радиопьес, множество переводов. Родился в 1953 г. Белграде в словенской семье, в 1968 г. Новаки переселились в Любляну, где прошли гимназические и университетские годы будущего поэта. Здесь в студенческой газете «Трибуна» в 1973 г. состоялся его поэтический дебют. Тогда-то между именем и фамилией появилась загадочная буква «А». Поводом стал анекдотический случай – полный тезка дебютанта, тоже Борис Новак, зашедший в редакцию пятью минутами раньше, беззащитно получил причитавшийся тому гонорар. И настоящему автору опубликованных строк пришлось долго доказывать свое авторство, чтобы получить вознаграждение. С тех пор первая буква алфавита, включенная в литературное имя, стала своеобразной визитной карточкой Новака. И хотя впоследствии в «Эпиграмме на А» он представил ситуацию легко и самоиронично: «Что значит эта таинственная А / в имени Борис А. Новак? Что он смельчак? / Пусть немедленно сменит имя, слабак / Пусть зовется отныне Борис Ж. Новак!»³, выбрана эта графема была не случайно: «А» – начальная буква имен его отца, Анте Новака, и матери, Аницы Новак, к которым поэт был чрезвычайно привязан и которые сыграли важнейшую роль в его творческом становлении. «На мое духовное формирование оказали значительное влияние мои родители: мать, Аница, журналистка по профессии, обладавшая душевной чуткостью и творческой жилкой, и отец, Анте, образец порядочности и пытливости»⁴. Их уход из жизни (отца – в 1992 г., матери – в 2008 г.) подтолкнул Бориса А. Новака к мысли написать эпическое произведение в стихах – в такой организации текста он увидел способ осмысления прошлого и возможность продолжить диалог с близкими. Существенным стимулом реализации этой идеи стало также осознанное тяготение к большим стихотворным формам: «На ранних этапах моего поэтического развития я ощущал потребность в объемных поэтических проектах. Сначала это были лирические стихотворные циклы в сборниках “Дочь памяти” и “1001 стих”⁵, потом венки сонетов, которые воспринимаются как более панорамные произведения с многогранной оптикой. Потом мне захотелось облечь свой опыт восприятия мира, матрицу памяти,

3 *Novak Boris A. Oblike srca. Pesmarica pesniških oblik. Ljubljana, 1997. S. 88.* Здесь и далее перевод стихотворных цитат сделан автором статьи.

4 *Novak Boris A. Pogovor z Borisom A. Novakom // Nova revija: mesečnik za kulturo. 1996. Let. 15. Št. 170–171. S. 89.*

5 *Novak Boris A. Hči spomina. Ljubljana, 1981; 1001 stih. Ljubljana, 1983.*

в форму, которая была бы одновременно повествовательно-эпической и интимно-лирической. Эта потребность была связана с утратой обоих родителей; после смерти отца я впервые почувствовал, что сюжеты семейного прошлого, которые я раньше воплощал в драматической форме [...], можно трансформировать в поэтическую. Это мне удалось в сборнике “МЛМ: Малая Личная Мифология”⁶ (2007) [...]. Работая над ним, я обнаружил, что помимо богатства метафор, красоты звучания, семантической глубины стихи можно насыщать повествовательными элементами, сюжетами и даже фактографией. Язык этого поэтического сборника стал первым шагом к созданию эпоса. Год спустя умерла моя мать, что значительно усилило эмоциональную потребность с помощью поэтического слова “оживить” моих родителей, других близких, предков и умерших друзей. Так началась интенсивный процесс создания моей эпопеи⁷. Сочинение произведения, которое стало самым масштабным за всю историю национальной поэзии, сопровождалось «максимальным психофизическим напряжением»⁸. Оно принесло поэту престижную литературную премию «Вероника» за лучшую поэтическую книгу года (2017) и стало важным фактором при присуждении ему высшей национальной награды по литературе: премии имени Ф. Прешерна за литературное творчество в целом (2018), а также премии «Златник поэзии» (2024) за большой вклад в развитие национального стихосложения.

Замысел трилогии «Врата безвозвратности» поражает своим размахом: это название объединило три поэтических тома — «Атласы ностальгии», «Время отцов» и «Обиталища душ» — общим объемом более 40 тыс. стихов. В 2015 г. вышли первая и вторая книги, в 2017 г. — третья, заключительная. Первая книга включает сорок шесть песней, композиционно сгруппированных в три раздела (тетради), и занимает почти 500 страниц, вторая состоит из десяти тетрадей, каждая из которых содержит пять песней, размещившихся на 700 страницах, более тысячи страниц третьей составляют девять тетрадей, по одиннадцать песней в каждой, т. е. всего песней девяносто девять, на одну меньше, чем у Данте, что неслучайно. Данте — действующее лицо эпоса, наставник и собеседник лирического героя.

6 Novak Boris A. MOM – Mala Osebna Mitologija. Ljubljana, 2007.

7 Švabič L. Intervju s Prešernovim nagrajencem. URL: <https://www.rtslo.si/kultura/boris-a-novak-pisanje-epa-je-bil-najvecji-psihofizicni-napor-mojega-zivljenja/445243> (дата обращения: 10.02.2025).

8 Ibid.

«Встраиваясь» в ряд великих мифоманов – Гомера, Вергилия, Овидия, Мильтона, – Борис А. Новак предпринимает довольно успешную попытку обновить жанр героической эпопеи с помощью «очеловечивания» ее «установки на идеализацию и обожествление образов», чтобы «освежить прасюжеты и рассказать в эпическом ключе о недавнем прошлом или даже о нашем времени»⁹. Поэтому в центре его внимания оказываются не героические исторические личности, а обыкновенные люди – мужчины, женщины, дети, старики. Мифологической основой эпоса являются семейные предания и легенды рода Новаков, эпическое повествование основано на воспоминаниях, построено, с одной стороны, как документальный автобиографический нарратив в стихах о «времени и о себе», о предках, родных, друзьях, ключевых событиях национальной и европейской истории, с другой – включает в себя элементы вымысла, пропущенные через индивидуальное ассоциативное поле художника. Связующим звеном повествовательной структуры всех трех книг является мотив странствия, который реализуется на трех уровнях: пространства, времени и памяти. Пространство является нарративной доминантой первого тома, время – второго, память – третьего. И если «считывание пространства» (Г. Башляр¹⁰) – неперенный атрибут авторской оптики во всех трех книгах, то собственно топоанализ является структурным компонентом поэтического текста именно первого тома, о чем речь пойдет ниже.

Вторая книга трилогии «Время отцов» обращена непосредственно к семейной истории и судьбе отца поэта, героического партизана-антифашиста Анте Новака. Здесь в название всех тетрадей и песней вынесено слово «Время»: «Время поэтов», «Время матерей», «Время детей», «Время дедов» и т. д. Этот том – своеобразный реквием по ушедшим близким, который открывает песнь «Время Данте, время Анте», где лирический герой, сидя в купе скорого поезда, едущего во Флоренцию, мысленно беседует с двумя главными пастырями своей жизни: командиром партизанского Кочевского батальона Анте Новаком и автором «Божественной комедии» Данте Алигьери. Третья книга эпоса «Обиталища душ» отличается от первых двух не только объемом, но и значительно более существенной философской компонентой повествовательной структуры – стереоскопическое осмысление Прошлого с помощью индивидуального опыта множества

⁹ Novak Boris A. Kot pesnik sem star 3000 let // Literatura. 2015. Let. 27. Št. 287. S. 80.

¹⁰ Башляр Г. Избранное: Поэтика пространства. М., 2014. С. 16.

персонажей и есть, по мысли автора, поэтизация Истории. Метафорой этого процесса служит плавание на Корабле, на котором лирический герой совершает путешествие вглубь своей и коллективной памяти, чтобы увековечить Время и Образы ушедших, создать с помощью поэтического слова символический «грандиозный кенотаф», т. е. надгробный памятник в месте, которое не содержит останков покойного. Панораму этого экскурса открывают герои древних мифов, а завершают современные беженцы, Троянская война плавно перетекает во Вторую мировую, а затем и в конфликт на Балканах.

Представленный в произведении событийный ряд связан с механизмом работы памяти: лирический герой Новака путешествует по лабиринтам как услышанного, так и лично пережитого. «Эпическую основу я черпал главным образом из семейных преданий. Мальчиком я внимательно и благодарно слушал рассказы своих родителей и близких; спустя полвека этот мальчик их мне надиктовывал»¹¹. Поэтический текст являет собой мозаичное соединение фрагментов микросюжетов, «встроенных» в поток истории. Это мастерски возведенное сооружение реконструирует реальные эпизоды жизни поэта, членов его семьи, исторические события, происходившие на территории всех версий государства Югославия и отчасти Европы в контексте минувшей и еще длящейся эпохи. Из «груды осколков» рождается портрет Времени. Одной из базовых красок в создании этого портрета является «пространственность» мировидения автора, «пространственный язык», используемый для выражения «непространственных понятий»¹², обусловленный как авторской индивидуальностью, так и жанровой принадлежностью текста, и в этом смысле для нарративной стратегии, избранной Борисом А. Новаком, абсолютно справедливо утверждение В. Н. Топорова о том, что «индивидуальный образ пространства в наибольшей степени определяет основу авторского взгляда на мир»¹³. Это убедительно доказывает первая книга эпопеи «Атласы ностальгии», построенная по авторскому определению как «огромный альбом памяти, географическая карта пространств, где жил я, мои предки или другие важные для меня персонажи. Поэтические строфы – прогулка по долам и весям, морям, рекам, горам, городам, деревням,

11 *Novak Boris A. Kot pesnik sem star 3000 let.* S. 89.

12 *Лотман Ю. М. Избранные статьи* в 3 т. Таллинн, 1992. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. С. 451.

13 *Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического.* М., 1995. С. 448.

улицам, домам, садам, театрам, школам, тюрьмам, кладбищам. Я передвигаюсь по всем этим местам на разных транспортных средствах: и тех, которые были характерны для прошлых эпох – кораблях и лошадях, и на современных велосипедах, автомобилях, поездах. Сначала в игру вступают детские коляски, потом ботинки, а заканчивается все самолетами и даже такими метафизическими способами перемещения, как свет, книги, воображение, музыка»¹⁴.

Образы пространства лежат в основе нарративной структуры второй – центральной – тетради «Атласов ностальгии», носящей название «Атлас истории покинутых мест», которая состоит из двадцати одной песни. Каждая из них посвящена одной из моделей пространства (открытого или замкнутого), условно подразделяющихся на две группы: в первую входят природные топосы – реки, озера, моря, острова, горы, леса, поля, сады, вторая объединяет различные локусы цивилизации – деревни, города, улицы, здания, кабинеты, кухни, спальни, детские, школы, танцплощадки, места тусовок, редакции, театральные и оперные сцены, казармы, больницы, могилы; в совокупности все упомянутые места представляют те матрицы пространства, которые связаны с окружающей человека реальностью и его жизненным циклом. Автор смотрит на мир через призму пространства поэтического, соединяя «субъективное (метафорическое) “пространство души”» с «реальными пространственными контурами художественного универсума»¹⁵, т. е. проецируя его архитеконику на ассоциативное отражение действительности, о чем прямо заявляет в четвертой песне «Каллиграфия ландшафта»:

*Считаваю каллиграфию ландшафтов, я, графолог
божьей руки: равномерные буквы моря,
[...]
округлые прописные литеры дюн,
[...]
мятежный страстный пульс
маюскул гор и минускул долин.*

*Каждый ландшафт имеет Десять своих заповедей
свою грамматику и морфологию.*

¹⁴ Švabič L. Intervju s Prešernovim nagrajencem.

¹⁵ Минц З. Г. Структура «художественного пространства» в лирике А. Блока // Минц З. Г. Поэтика Александра Блока. СПб., 1999. С. 244.

*Печальный и счастливый из ничего
слагаю эту песнь, словарь ландшафтов, пред богом чист
в глазах людей я еретик,
поэт, скиталец, полиглот, политеист.¹⁶*

При этом топография пространственных проекций географически конкретна, осязаема. Отношения с репрезентируемыми пространственными образами у лирического героя складываются по-разному. В одних случаях они олицетворяют для него своеобразный *Locus amoenus*¹⁷: это касается, например, озер, городов, садов, театральных подмостков и связано с греющими душу воспоминаниями, положительными ассоциациями и яркими впечатлениями. Так, собирательный образ озера как места гармонии и покоя складывается из трех локальных зарисовок: сюжета о пожелтевшей фотографии молодых родителей, на которой они, обнявшись, стоят на берегу Женевского озера; воспоминания о том, как счастлива была мать поэта, гуляя с маленькими внуками на озере Блед и заказывая им фирменную кремшниту¹⁸; и панорамы Церкницкого озера, одного из красивейших в Словении, упомянутого еще в хронике Я. В. Вальвазора «Слава герцогства Крайна» (1689), места, очевидно очень личного для автора, о чем свидетельствуют следующие строки:

*... Церкницкое озеро – память о любви.
Память, ты, исчезающая река! поникальница¹⁹
Ты исчезаешь среди виноградников
и возникаешь вновь,
моя память, эта песнь, эти губы, эти пальцы... (89)*

(Песнь шестая «Озера»)

¹⁶ Novak Boris A. Vrata nepovrata: epos. Novo Mesto, 2015. Knj. 1: Zemljevidi domotožja. S. 64–65. Здесь и далее Т. 1 «Атласы ностальгии» цитируется по этому же изданию, номера страниц указаны после цитаты в круглых скобках.

¹⁷ Приятная местность, прелестный уголок (лат.).

¹⁸ Cremeschnitte (нем.), Kremsnita (словен.) – десерт из заварного крема, получивший распространение в Австро-Венгрии; в Словении ассоциируется с курортом на озере Блед, где его подают.

¹⁹ Ponikalnica (словен.) – подземная река, поток, уходящий в карстовую воронку.

Особую модальность получают в интерпретации Бориса А. Новака города, три из которых – Белград, Париж и Любляна – вызывают у него самые сильные чувства, подтверждая мысль Башляра о том, что «воспоминания о прежних жилищах вновь переживаются нами как грезы, и именно поэтому обитатели прошлого бессмертны в нашей душе»²⁰. Белград – город детства и юности, где «вечер сладок», когда «мама несет тебя, усталого, домой» (137); Париж – город поэтов, город страстного романа с возлюбленной, город, который примиряет лирического героя с вечным противоречием данного и желанного: «могу спокойно где угодно обретаться, // лишь будучи уверен, [...] // что несколько часов – и я в Париже» (140). Наконец, Любляна – пространство, без которого Новак-поэт никогда бы не состоялся, город его побед и поражений, «боли и одиночества» (141), место, где он учился, писал, редактировал, создавал семью, участвовал в общественной и политической жизни. «Все пространства нашего одиночества, – замечает Башляр, – те пространства, где когда-либо мы страдали от одиночества, наслаждались им, желали его, рисковали потерять, оставили в нас неизгладимый след»²¹.

Поэт с симпатией перечисляет города, впечатления о которых продолжают питать его творческое воображение:

*Есть города, несущие заряд энергии, который ощущаешь,
когда читаешь маленькие буквы их названий на
карте мира. Я в их плену навечно*

*и неизменно в них буду возвращаться
в те города, воспоминанья о которых сохранены
в моем сознанье: Авиньон, Монпелье, Арль, Сет, Ним,*

*Париж, Мадрид, Валенсия, Толедо, Компостела, Барселона,
Венеция, Болонья, Рим, Триест, Флоренция, Феррара, Рим,
Лондон, Кембридж, Оксфорд, Эдинбург, Порто, Лиссабон,*

*Кёльн, Ахен, Мюнхен, Дрезден, Франкфурт и Берлин,
Гент и Брюссель, Антверпен, Амстердам, Варшава, Краков,
Москва, Санкт-Петербург, Киев, Стокгольм, Копенгаген, Хельсинки,
Таллинн,*

²⁰ Башляр Г. Избранное... С. 49.

²¹ Там же.

*Целовец, Зальцбург, Вена, Прага, Будапешт, Братислава,
Бостон, Сан-Франциско, Миннеаполис, Нью-Йорк, Новый Орлеан,
Чаттануга,
Чикаго, Торонто, Монреаль, Перт, Тайбэй, Рио де Жанейро, Гвадалахара,*

*Афины, Скопье, Охрид, Улцинь, Бар,
Сплит, Опатия, Дубровник, Загреб, Самобор,
Нови Сад, Сараево, Мостар,*

*Марибор,
Мехелен,
Белград, Любляна, Белград, Любляна, Белград (141–142)*

(Песнь тринадцатая «Города»)

В этом построенном по страноведческому принципу обширном списке (Франция, Испания, Италия, Германия, Швеция, Дания, Бельгия, Голландия, Польша, Россия и т. д.) маленькие малоизвестные населенные пункты соседствуют со столицами и мегаполисами; таким образом «дорожная карта» сближает очень разные урбанистические места цивилизации, которые объединяет поэтическое сознание и его носитель – поэт, ощущающий себя гражданином мира. С захватывающими впечатлениями связаны для автора и театральные подмостки – в основу посвященной этому локусу песни положен автобиографический эпизод встречи студента-Новака с Э. Ионеску. В 1971 г. знаменитый драматург был гостем Словенского национального театра в Любляне. Группа молодых компаративистов, «учивших французский по репликам абсурдных диалогов героев Ионеску» (253), через служебный вход проникла в здание театра и получила возможность пообщаться со своим кумиром. Вдруг одна из девушек спросила мэтра:

*Кем вы себя представляете –
всемогущим умирающим королем или превратившимся в носорога
человеком?*

*Бурную реакцию присутствующих прервал сам Ионеску: Отличный вопрос!
Я чувствую себя королем носорогов, le roi des rhinos!²² (254)*

(Песнь двадцать пятая «Театральные сцены»)

---

22 Король носорогов (фран.).

Иными эмоциональными интонациями окрашены образы пространств (к ним среди прочих относятся реки, горы, улицы, больницы), ассоциирующиеся в сознании автора с трагическими событиями исторического прошлого или печальными случаями из его собственной биографии. Так, образ реки для него прочно связан с рассказом матери – очевидицы последствий Второй мировой войны:

«Когда война подошла к концу, – говорила мама, – по рекам поплыли трупы». Я спросил: «Чьи?» – «Сама не знаю. Словенцев, сербов, хорватов, немцев. Трупы».

«Откуда», – спросил я. – «Не знаю. Форма, амуниция, лица, все взбухло, не опознать. Из Срема, Ясеновца или еще откуда. Люди. Мертвые. Трупы». (77–78)

(Песнь пятая «Реки»)

Повествование о символе природных красот Словении – величественной вершине Триглав – и опыте его покорения в компании друга юности Леона плавно перетекает в прощание с ним, погибшим совсем молодым в скалах Австралии:

*...и я спешу наверх на склон Триглава, и кажется,
что ты передо мной,
друг моей свободы и неприкаянности,
идешь навстречу, смеешься и зовешь
обратно на Триглав,
догнать нашу весну,
которую все рвемся позабыть. (115)*

(Песнь девятая «Горы»)

Воссоздавая локус больничного пространства, поэт использует дневники и отрывки из воспоминаний отца, записанные на магнитофонные кассеты. В песне «Больницы» он включает в повествование реальный и весьма этически уязвимый эпизод биографии Новака-старшего: однажды тот, находясь в статусе комиссара партизанского отряда, был вынужден отдать приказ не пускать в партизанский госпиталь колонну чудом спасшихся от немцев больных тифом бойцов антифашистского сопротивления.

*Стой! Комроты идет вперед, раздается команда:
Товьсь! Комроты продолжает движенье,
колонна тифозных за ним,
автоматная очередь
в воздух, комроты застывает на месте, полные слез глаза смотрят
с укором,
рота тифозных замедляет безумный ход. (318–319)*

(Песнь тридцатая «Больницы»)

Время изменчиво, порой неуловимо, пространство – устойчиво, надежно. Эта авторская мысль заявлена в ироничной истории о мариборском адресе семейства Новаков (Песнь четырнадцатая «Улицы»). Разбирая подвал дедовского дома в Мариборе, поэт обнаружил увесистый сверток с написанной на обертке цифрой 29. В нем оказались три тяжелые коричневые таблички с названиями Стритарьева, Perkogasse и улица Парижской коммуны – так в течение века менялось название улицы, на которой расположен дом. К последней было прикреплено выцветшее письмо деда Антона, бывшего офицера Австро-венгерской армии, сыну Анте, коммунисту:

Марибор, за 29 дней до смерти

Мой дорогой сын,
на память и как предупреждение
оставляю тебе эти три адреса:

*по первому ты в юности жил,
по второму я тряся за тебя,
когда ты был в тюрьме и в партизанах,*

*а по этому, третьему, я напрасно жду,
когда же ты наведишь больного отца.
Единственное, что после всех переворотов и революций столетья*

осталось неизменным, – так это номер нашего дома: 29. (149–150)

Эрудированный знаток эволюции стихосложения и тонкий ценитель мировой поэзии, Борис А. Новак в своем *Opus Magnum*, безусловно, следуя заглавному художественному принципу традиционного эпоса, направленному на поэтизацию действительности в ее героическом

dimenzij 30 x 50 cm. Na prvi je pisalo STRITARJEVA
ULICA, na drugi je z gotsko pisavo stalo PERKOGASSE,
na tretji so bile črke revolucionarno stisnjene v ULICO PARIŠKE KOMUNE,

na vseh treh pa se je košatila številka 29.
Na ULICO PARIŠKE KOMUNE je bilo nalepljeno
zbledelo pismo našega deda Antona

svojemu edinemu preživelemu sinu Anteju,
našemu očetu, lastnoročno napisano
in enigmatično datirano:

Maribor, 29 dni pred smrtjo

(исторические потрясения) и реалистическом (проза жизни) выражении, широко применяет нарративную стратегию моделирования образов пространства как составляющую собственной поэтической картины мира и инструмент художественной оптики. Классический ямбический одиннадцатисложник претерпел в эпопее существенные трансформации, строгие рифмы часто заменяются ассонансами, формы сонета, венка сонетов, мадригала, виланеллы заметно адаптированы, верлибризованы, автор использует хайку, приемы визуальной поэзии (игра с размером и шрифтом буквы, слова, словосочетания, с графическим расположением строк на странице). «Самым большим вызовом при создании эпоса было воплощение современного опыта через архетипический праритм эпической поэзии. Сначала я долго писал метрически правильные строфы, потом мне показалось, что они звучат слишком искусственно и достоверно не передают сущности нашего времени. Поэтому, сохранив классически правильный размер – терцин Данте – для лирических пассажей и рефлексивных отступлений, я адаптировал ритм, строфику, длину строки к разным темам, образам, ситуациям и времени действия. А также значительно оживил стихи графически, играя с формами строк и букв. Тем самым мне удалось добиться разнообразия письма и передать ритм, характерный для XX и начала XXI века»²³.

23 Švabič L. Intervju s Prešernovim nagrajencem.

obline, vsi obrazi so zamrznjeni v času,
 še zdaj znam na pamet vsa imena, **imena, imena,**
 tri Snežane, dve Biljani, dve Ljiljani in ena Nena

in en
 sam Kadri,
 repetent z velikim
 srcem
 in velikim
 kurcem,
 ki ga je
 rad kazal
 iz zadnje klopi,

še zdaj znam na pamet vsa **imena, imena, imena,**
 njihov vonj je živ, obrazi pa zamrznjeni v času,
 ki je le zame še enak, po vseh teh menah

Интерес к визуальной конфигурации стиха возник у Бориса А. Новака еще в юности, когда в гимназии он начал изучать французский язык, увлекся поэзией С. Малларме и его экспериментами («годами я таскал в кармане томик Малларме [...], с восхищением разглядывал строки, которые тогда с трудом понимал. Я просто представлял себе то, что там написано, и в ритме визуального расположения стихов чувствовал непреодолимо привлекавшую меня энергию»²⁴. В студенческие годы он уже как филолог познакомился со многими идеями французского символиста, том числе с его трактовкой соотношения «поэтического» и «визуального»: «Мысль, “брошенная на страницу”, являет себя через материально оформленный знак, который соотносится с другими знаками системы, не только синтаксически, семантически или просодически, но и визуально»; «Связь мысли

²⁴ Novak Boris A. Po-etika forme. Ljubljana, 1997. S. 13.

и ритма имеет двусторонний характер: если ритм является отпечатком мысли, то она, в свою очередь, изменяется в связи с материальной природой инструмента, который ее транслирует. Структура печатной страницы перестраивает поэтическую фразу согласно новым правилам, которые не детерминированы пропозициональной логикой»²⁵. В зрелом возрасте Новак много и успешно переводил лирику Малларме, а некоторые элементы его поэтики, безусловно, взял на вооружение. Одним из действующих лиц третьей книги эпопеи «Обиталища душ» выступает сама *Ars poetica* – мировая поэтическая традиция (тетрадь «Души поэтов»), представленная именами и образами тех, кто оказал и продолжает оказывать влияние на автора. После небожителя Данте в почетном ряду «учителей» в компании с П. Верленом и А. Рембо назван С. Малларме.

Путь, который выбрал для себя Борис А. Новак, основан, с одной стороны, на знании канона и уважении к нему, с другой – базируется на обновлении классического «дантовского» нарратива в том числе через многослойность и калейдоскопичность образов пространства, способных воплощать социальные и этические категории, участвовать в развитии сюжета, композиции, выражать авторскую точку зрения. Творческий диалог словенского стихотворца с мировой и национальной поэтической традицией ведет к обогащению национального поэтического сознания.

Источники и литература

Баиляр Г. Избранное: Поэтика пространства. М.: Ad Marginem, 2014. 352 с.

Глэд Д. Беседы в изгнании: русское литературное зарубежье. М.: Книжная палата, 1991. 320 с.

Голубицкая Н. В. Визуальная конфигурация стиха как особый тип семиозиса во французской экспериментальной поэзии: от Стефана Малларме к Тристану Ццара // Новое литературное обозрение. 2019. № 2 (156). С. 143–162.

Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: Александра, 1992. 478 с.

---

²⁵ Цит. по: *Голубицкая Н. В.* Визуальная конфигурация стиха как особый тип семиозиса во французской экспериментальной поэзии: от Стефана Малларме к Тристану Ццара // НЛЮ. 2019. № 2 (156). С. 143–162.

Мицц З. Г. Структура «художественного пространства» в лирике А. Блока // Мицц З. Г. Поэтика Александра Блока. СПб.: Искусство–СПБ, 1999. 728 с.

Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М.: Прогресс; Культура, 1995. 624 с.

Novak Boris A. Kot pesnik sem star 3000 let // Literatura. 2015. Let. 27. Št. 287. S. 78–91.

Novak Boris A. Oblike srca. Pesmarica pesniških oblik. Ljubljana: Modrijan, 1997. 310 s.

Novak Boris A. Po-etika forme. Ljubljana: Cankareva založba, 1997. 367 s.

Novak Boris A. Pogovor z Borisom A. Novakom // Nova revija: mesečnik za kulturo. 1996. Let. 15. Št. 170–171. S. 88–104.

Novak Boris A. Vrata nepovrata: epos. Novo Mesto: Goga, 2015. Knj. 1. Zemljevidi domotožja. 475 s.

Škulj J. Literatura in prostor: o semiozi in semiosferi // Slavistična revija. 2005. Let. 53. Št. 3. S. 347–361.

Švabič L. Intervju s Prešernovim nagrajencem. URL: <https://www.rtv slo.si/kultura/boris-a-novak-pisanje-epa-je-bil-najvecji-psiho fizicni-napor-mojega-zivljenja/445243> (дата обращения: 10.02.2025).

Zlatnik poezije 2024 prejme Boris A. Novak. URL: <https://www.veronikina-nagrada.si/2024/07/19/zlatnik-poezije-2024-prejme-boris-a-novak/> (дата обращения: 10.02.2025).

References

Bachelard, G. *Izbrannoe: Poëtika prostranstva*. Moscow: Ad Marginem, 2014, 352 p.

Glad, J. *Besedy v izgnanii: russkoe literaturnoe zarubezh'e*. Moscow: Knizhnaia palata, 1991, 320 p.

Golubitskaia, N. V. “Vizual'naia konfiguratsiia stikha kak osobyi tip semiozisa vo frantsuzskoi eksperimental'noi poezii: ot Stefana Mallarme k Tristanu Tsara”. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2019, No 2 (156), pp. 143–162.

Lotman, Iu. M. *Izbrannye stat'i*, in 3 vols. Vol. 1. *Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury*. Tallinn: Aleksandra, 1992, 478 p.

Mints, Z. G. “Struktura «khudozhestvennogo prostranstva» v lirike A. Bloka.” Mints, Z. G. *Poetika Aleksandra Bloka*. St Petersburg: Iskusstvo–SPB, 1999, 728 p.

Novak, Boris A. “Kot pesnik sem star 3000 let.” *Literatura*, 2015, vol. 27, No 287, pp. 78–91.

Novak, Boris A. *Oblike srca. Pesmarica pesniških oblik*. Ljubljana: Modrijan, 1997, 310 p.

Novak, Boris A. *Po-etika forme*. Ljubljana: Cankareva založba, 1997, 367 p.

Novak, Boris A. "Pogovor z Borisom A. Novakom." *Nova revija: mesečnik za kulturo*, 1996, vol. 15, No 170–171, pp. 88–104.

Novak, Boris A. *Vrata nepovrata: epos*, knj. 1. *Zemljevidi domotožja*. Novo Mesto: Goga, 2015, 475 p.

Škulj, J. "Literatura in prostor: o semiozi in semiosferi." *Slavistična revija*, 2005, vol. 53, No 3, pp. 347–361.

Švabič, L. "Intervju s Prešernovim nagrajencem." URL: <https://www.rtvlo.si/kultura/boris-a-novak-pisanje-epa-je-bil-najvecji-psihofizicni-napor-mojega-zivljenja/445243> (accessed: 10.02.2025).

Toporov, V. N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz. Issledovaniia v oblasti mifopeticheskogo*. Moscow: Progress; Kul'tura, 1995, 624 p.

Zlatnik poezije 2024 prejme Boris A. Novak. URL: <https://www.veroniki-na-nagrada.si/2024/07/19/zlatnik-poezije-2024-prejme-boris-a-novak/> (accessed: 10.02.2025).

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.18

N. N. Starikova

Images of Space as an Element of Narrative Strategy ("Zemljevidi domotožja" by Boris A. Novak)

Nadezhda N. Starikova

Doctor of Letters, professor, head of the department

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: nstarikova@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1230-2244

Citation

Starikova N. N. Images of Space as an Element of Narrative Strategy ("Zemljevidi domotožja" by Boris A. Novak) // *Slavic Almanac*. 2025. No 1–2. P. 367–384 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.18

Received: 21.02.2025.

Revised: 04.03.2025.

Accepted: 18.03.2025.

Abstract

The poetic epic of the outstanding Slovenian poet Boris A. Novak “Vrata nepovrata” (2015–2017) has become a landmark phenomenon of contemporary Slovenian poetry. It is the first example of the epic genre in verse in the history of national literature, which amazes with the scale of the concept – it consists of three volumes: “Zemljevidi domotožja”, “Čas očetov” and “Bivališča duš”, the total volume of which is more than 40 thousand verses. The work is based on family traditions and legends of the Novak family, the epic narrative is built on memories as a documentary autobiographical story in verse about “time and about oneself”, ancestors, relatives, friends, key events in national and European history. The connecting link of all three books is the motif of wandering, which is realized on three levels: those of space, time and memory. The article, based on the first volume of “Zemljevidi domotožja”, examines one of the key elements of the author’s narrative strategy – images of space that reveal the secret meanings and symbolism of those corners of the earth, public places and areas of everyday life that at different periods of time left a significant trace in his consciousness and memory. These include rivers, lakes, seas, islands, mountains, forests, fields, gardens, cities, villages, streets, houses, bedrooms, nurseries, kitchens, editorial offices, dance floors, theater stages, barracks, prisons, hospitals, and graves. To each place a separate song is dedicated. Being, on the one hand, a “supporting structure”, a framework for the narrative, these loci at the same time serve to reconstruct real episodes from the life of the poet, members of his family, his native country, Europe as a whole in the context of a bygone and ongoing era. Thus, through the “experience” of specific spaces, the fate of the lyrical hero is “embedded” in the course of life itself. The original images of spaces appearing in the epic represent the structural-semantic model of the world of Boris A. Novak, expressed in the language of his spatial representations.

Keywords

Contemporary Slovenian poetry, epic poetry, Boris A. Novak, images of space, narrative strategy.